

СТАТЬИ

ПЕРЕХОД Г. В. ПЛЕХАНОВА ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ

И. Б. Миндлин

Георгий Валентинович Плеханов прошел сложный и противоречивый путь развития. Он вступил в революционное движение народником, но, порвав с народничеством, первый поднял знамя марксизма в России. Г. В. Плеханов сыграл большую роль в защите великого учения Маркса и Энгельса и в организации русской социал-демократии. Однако впоследствии он сделал ряд серьезных оппортунистических ошибок, а затем открыто изменил марксизму.

Общественно-политическая деятельность Г. В. Плеханова началась в середине 70-х годов XIX века. В экономике страны происходили тогда большие сдвиги. Несмотря на значительные остатки крепостничества, в России развивался буржуазный строй, капиталистические отношения все глубже проникали в пореформенную деревню, разрушая вековые устои натурального хозяйства, в городе развивалась промышленность. На арену общественно-политической жизни России выходил рабочий класс. Однако глубокие социально-экономические процессы, происходившие в стране, не сразу нашли отражение в русском освободительном движении. В 70-х годах XIX в. в этом движении господствовало народничество. Передовая русская молодежь шла в деревню, в народ, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию. В рабочих народники видели лишь возможных участников крестьянского восстания и отводили им второстепенную роль в революционной борьбе. Г. В. Плеханов примкнул к народничеству и вместе со всеми передовыми людьми того времени мучительно искал правильных средств борьбы против насилия и произвола, придя в конце концов к марксизму.

В нашей литературе имелись серьезные ошибки в освещении возникновения марксизма в России и его борьбы против народничества. Многие авторы игнорировали революционный характер народничества 70-х — начала 80-х годов и принижали значение создания первой марксистской организации в России, возглавлявшейся Г. В. Плехановым. Излагая историю русской общественной мысли, они переходили от 60-х прямо к 90-м годам. Так, И. Я. Щипанов в статье «К истории революционной мысли в России и о революционных традициях русского народа»¹ ни словом не упомянул о группе «Освобождение труда» и революционной деятельности Г. В. Плеханова, а, цитируя приветствие ЦК ВКП(б) и СНК СССР Академии наук СССР в связи с 220-летием со дня основания академии, произвольно выбросил характеристику Плеханова как «великого пионера марксизма в нашей стране», заменив это место многоточием².

Г. В. Плеханов не упоминает также и в обобщающей главе II тома «Очерков по истории русской философской и общественно-политической мысли народов СССР», посвященной историческому значению материалистической философии народов СССР.

¹ Журнал «Вопросы философии», 1952, № 5.

² См. «Вестник Академии наук СССР», 1945, № 5—6, стр. 1; «Вопросы философии», 1952, № 5, стр. 166.

Вопросу о формировании марксистских взглядов Г. В. Плеханова уделял в свое время внимание Л. Г. Дейч. Он собрал немало фактического материала, но, к сожалению, недостаточно проверенного³. В статье «Как Г. В. Плеханов стал марксистом»⁴ Дейч объясняет переход Плеханова к марксизму прежде всего тем, что, изучив в эмиграции в совершенстве немецкий язык, он в подлиннике ознакомился с произведениями Маркса и Энгельса. В полемику с Дейчем вступил М. Н. Покровский, заявивший, что нельзя объяснить переход Плеханова к марксизму условиями эмиграции и чтением марксистских книг⁵.

Возражение М. Н. Покровского не лишено основания. Л. Дейч игнорирует кризис народничества и идейную эволюцию Плеханова. Г. В. Плеханов сам писал, что «за границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России»⁶. Однако М. Н. Покровский был неправ, когда утверждал, что первая марксистская статья написана Плехановым в 1878 г. в Петербурге⁷. Он имел в виду статью Г. В. Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», опубликованную в № 3 «Земли и Воли» за 1879 год. Но эта работа не была марксистской. Сам Г. В. Плеханов указывал впоследствии: «...первой брошюрой, написанной мною в качестве марксиста, и была брошюра «Социализм и политическая борьба»⁸ (1883 г.).

Осенью 1874 г. Г. В. Плеханов стал студентом Горного института в Петербурге и вначале намеревался посвятить себя науке⁹, но затем, сблизившись с передовой молодежью, отдался революционной борьбе. В конце 1875 г. он познакомился и сблизился с рабочими-революционерами. В начале 1876 г. Г. В. Плеханов был принят в народнический кружок.

Уже в начале своей народнической деятельности Г. В. Плеханов активно участвовал в революционной пропаганде среди рабочих. Из деятелей народничества Плеханов был наиболее близок, наиболее тесно связан с рабочими-революционерами. В «Земле и Воле» его рассматривали как знатока рабочего вопроса. С именем Г. В. Плеханова связано первое открытое выступление рабочих на демонстрации 6 декабря 1876 г. у Казанского собора. На этой демонстрации Плеханов произнес свою знаменитую речь против царизма. Личный контакт с рабочими и активное участие в революционной пропаганде среди них способствовали усвоению Плехановым теории марксизма. Вспоминая о своих занятиях с рабочими, Г. В. Плеханов отмечал, что когда он был еще народником и принадлежал к организации «Земля и Воля», ему приходилось главным образом «заниматься с рабочими»: «Я убежден, что именно опыт, приобретенный мною в этих «занятиях», подготовил меня к усвоению марксизма»¹⁰.

Г. В. Плеханов вступил в революционное движение в то время, когда в этом движении господствовал бакунизм. Бакунизм привлекал революционно настроенную молодежь своим активным призывом к революцион-

³ Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. Вып. 1. «Новая Москва». 1928.

⁴ Журнал «Пролетарская революция», 1922, № 7.

⁵ М. Н. Покровский. Плеханов, как историк. Журнал «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7.

⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XXIV, стр. 92.

⁷ См. М. Н. Покровский. Очерки по истории русского революционного движения. М. 1923, стр. 82.

⁸ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XIX, стр. 48.

⁹ См. П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Берлин. 1923, стр. 157; О. Аптекман. О-во «Земля и Воля» 70-х годов. Пгг. 1924, стр. 218; Л. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. От народничества к марксизму. 1922, стр. 3.

¹⁰ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XIII, стр. 119.

ному действию, верой в готовность к этому действию народных масс. Те средства борьбы, которые предлагал бакунизм, казались этой молодежи наиболее приемлемыми для достижения идеалов, завещанных 60-ми годами. Молодежь спешила взяться за дело. «С первого взгляда, — писал Г. В. Плеханов в «Наших разногласиях», — может показаться странным, каким образом ткачевская или бакунинская программа могла найти адептов в той самой интеллигентной среде, которая воспитывалась на сочинениях Н. Г. Чернышевского и уже по одному тому должна была вырабатывать привычку к более строгому мышлению. Но дело — в сущности — просто и объясняется отчасти влиянием того же Чернышевского»¹¹. Последователи Н. Г. Чернышевского не усвоили приемы его диалектического мышления, его трезвый анализ действительности, дух классовой борьбы, которым веяло от его сочинений. Сосредоточивая свое внимание лишь на результатах исследования Н. Г. Чернышевского, они восприняли его веру в возможность непосредственного перехода русской сельской общины в высшую, коммунистическую форму общежития. В теоретическом отношении народники не только не продвинулись вперед по сравнению с Чернышевским, но даже отступили назад.

Г. В. Плеханов примкнул к бакунистскому направлению народничества. Это не значит, однако, как утверждают многие исследователи, что он был последовательным бакунистом. Б. П. Козьмин писал, что «мыслями Плеханова в землевольческий период его деятельности безраздельно владел другой теоретик революционного народничества — апостол анархизма М. А. Бакунин»¹². В 1905 г. в предисловии к собранию своих сочинений Г. В. Плеханов действительно писал: «В народнический период моего развития, я, — как и все наши народники, — находился под сильным влиянием сочинений Бакунина...»¹³. Но нельзя забывать, что на Г. В. Плеханова оказывали тогда влияние и идеи Лаврова, что уже в то время он был знаком со многими работами Маркса. В 1881 г. в письме к Лаврову Г. В. Плеханов писал: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях»¹⁴. Влияние Бакунина на Плеханова уже по одному тому не могло быть безраздельным, что Плеханов не принял характерного для бакунизма отрицания роли теории. Надо учесть и то, что бакунизм в своем последовательном развитии и применении вел к терроризму. Не случайно, что большинство бакунистов в конце 70-х — начале 80-х годов стали террористами. Г. В. Плеханов, наоборот, остался принципиальным противником террора.

Ряд исследователей односторонне характеризует философские взгляды Плеханова-народника. В. А. Фомина пишет, что Плеханов «разделял философские взгляды популярного тогда в России эклектика Бакунина, а также представителей субъективной социологии»¹⁵. Другие авторы указывают на увлечение Плеханова Контом, Дюрингом, Дрепером. «Плеханов-народник, — заявляет В. Кирпотин, — по философским своим убеждениям был позитивистом»¹⁶. По его мнению, Плеханов, прежде чем перешел к марксизму, «прошел школу позитивно-механистического мышления в среде народничества»¹⁷. С этим трудно согласиться. Плеханов, отдавая дань этим течениям, прошел школу революционно-демократического мышления: школу Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Это отмечали сам Плеханов в труде «Наши разногла-

¹¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 151.

¹² «Литературное наследство», 1935, № 19—21, стр. 273.

¹³ Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 19.

¹⁴ «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 86.

¹⁵ В. А. Фомина. Философские взгляды Г. В. Плеханова. М. 1955, стр. 19.

¹⁶ В. Кирпотин. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. «Проблемы марксизма», 1931, № 5—6, стр. 136.

¹⁷ Там же, стр. 141.

сия» и другие участники народнического движения. И это было определяющим.

Признание того, что Плеханов проходил школу революционно-демократического мышления, вовсе не означает, что уже в народничестве Плеханова постепенно вызревал марксизм, что марксизм Плеханова якобы логически вытекал из учений Герцена и Чернышевского. Идеиное развитие Плеханова нельзя сводить к плавному эволюционному процессу. Белинский, Герцен и Чернышевский были предшественниками русской социал-демократии. Но, чтобы стать социал-демократом, надо было преодолеть социологические и политические воззрения своих предшественников и подняться на качественно новую ступень, на ступень марксизма. Из учения революционных демократов Плеханов вынес понимание необходимости передовой теории. В. И. Ленин в работе «Что делать?» писал: «...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»¹⁸.

Г. В. Плеханов был первым русским социалистом, который понял, что общинный социализм революционных демократов и народников находится в противоречии с действительностью, что только научный пролетарский социализм выражает потребности исторического развития общества, что передовое общественное движение должно руководствоваться марксизмом. Плеханова после того, как он стал марксистом, не раз упрекали в неуважении к наследству «великих отцов» на том основании, что он критиковал народническую доктрину и воззрения ее родоначальников Герцена и Чернышевского. Отвечая своим критикам, Г. В. Плеханов писал в 90-х годах: «Нечего и говорить, что мое отношение к Н. Г. Чернышевскому не изменилось до сих пор. Я и до сих пор продолжаю питать благоговейное уважение к нему, как к человеку и литературному деятелю. Некоторые читатели, — из проницательных, как выразился бы сам Н. Г., — находят такое отношение к человеку и писателю несовместимым с критикой его точки зрения»¹⁹. На самом деле такая критика была необходима. Переход к марксизму требовал не только разрыва с народничеством 70-х годов, но и был невозможен без критики наследства 60-х годов.

Наибольшее распространение народнической идеологии падает на период существования общества «Земля и Воля». Цель «Земли и Воли» заключалась в том, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию, против основ существующего строя. «К этому, — писал В. И. Ленин, — сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, — начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народолюбцами, у которых, ведь, тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий Земский собор, занимала далеко не последнее место»²⁰.

Но в народничестве назревал глубочайший кризис. Все острее вставал вопрос об отношении социалистов к политической борьбе. В этом вопросе не было ясности и у Н. Г. Чернышевского. Правда, в «Письмах без адреса» он высказал правильный взгляд на значение политической свободы для народного благосостояния. «Но, — писал Плеханов, — шаткость и неопределенность политических взглядов любимого учителя русской молодежи Наверное внесла свою лепту в последующие программные скитания русских революционеров»²¹.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 342.

¹⁹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. V, стр. 128.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 247.

²¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. V, стр. 63.

Народники считали, что социализм несовместим с политикой; они стояли на анархистской точке зрения отрицания политической борьбы. Однако практическая деятельность «Земли и Воли» вступала в противоречие с народнической доктриной. В 1878 г. раздался выстрел В. Засулич как акт мести Трепову за издевательство над участником казанской демонстрации Боголюбовым. Оправдание В. Засулич судом присяжных, демонстрация перед зданием суда не могли не привлечь внимания народников к вопросам политической борьбы. Большинство землевольцев под влиянием самой действительности отреклось от бакунистского отрицания борьбы за политические свободы и высказалось за террор как главное средство борьбы с правительством. Партия «Народная Воля» своей практической деятельностью отрицала старое народничество, но теоретически она была далека от разрыва с ним.

Г. В. Плеханов и его немногочисленные сторонники и до Воронежского съезда «Земли и Воли» и на самом съезде резко разошлись с большинством землевольцев. Они расценивали программу «Народной Воли» как измену революционному делу и заявляли, что на острие кинжала нельзя строить тактику революционной партии. Плеханов продолжал верить в возможность массового движения, в близость крестьянской революции. Он и его товарищи называли свою организацию «деревенщиков» группой «Черного Передела». Однако гальванизировать народничество оказалось невозможным. «Старое революционное народничество», — справедливо писал впоследствии Плеханов, — было осуждено на смерть самою жизнью, попытка «чернопередельцев» привлечь к нему новые силы окончилась полнейшей неудачей. Даже та часть революционной молодежи, которая сочувствовала программе «Черного Передела», не покидала городов, и скоро одно за другим исчезли все или почти все «бунтарские» «поселения в народе»²².

Революционное народничество запуталось в противоречиях. Разрешить эти противоречия было невозможно, не выступив против самых основ народнических теорий. Русские революционеры срослись с этими теориями, и разрыв с народничеством дался им нелегко.

К этому времени серьезные шаги в своем развитии сделало русское рабочее движение. Рабочие, которые вначале ходили в учениках у интеллигентов, выросли в глубоко убежденных, сознательных революционеров и, в свою очередь, стали оказывать влияние на революционную интеллигенцию.

«Северно-Русский Рабочий Союз» русских рабочих первым выступил против бакунистского отрицания борьбы за политическую свободу. Г. В. Плеханов писал, что программа этого союза причинила народникам немалое огорчение. «В ней — о, ужас! — прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие «буржуазную» свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении курицы, высижившей утят»²³.

Практика революционной борьбы подводила к необходимости коренного пересмотра всех старых народнических программ. Раскол «Земли и Воли» свидетельствовал о начавшемся кризисе народничества, предвещавшем его крах. Этот раскол положил начало и глубокой духовной драме Г. В. Плеханова. «Тяжело стоял перед ним вопрос, — писала в своих воспоминаниях Р. М. Плеханова, — как быть? С кем идти по той дороге, которую он считал истинной? Георгий Валентинович переживал драму человека, который после бурной, полной захватывающего интереса жизни с высокими устремлениями, окруженный товарищами и друзьями, верующими в его силы и поддерживающими этим его боевой дух, — вдруг

²² Г. В. Плеханов. Соч. Т. IX, стр. 19.

²³ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 184.

увидел себя одиноким, оставленным даже теми из друзей, которые находили его правым»²⁴.

Живая мысль Плеханова билась в тисках противоречий и сомнений. Ознакомление с работой известного русского социолога Максима Ковалевского «Общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение» и изучение трудов русских земских статистиков подрывали веру Плеханова во всепасающие принципы общинного землепользования. Особенно большое впечатление произвела на Плеханова работа земского статистика В. И. Орлова «Формы землевладения в Московской губернии». В. И. Орлов не ставил перед собой каких-либо предвзятых идей, не собиравшись решить спор между защитниками общины и сторонниками частной собственности. Больше того, сам он склонялся к народнической концепции. Но тщательно собранный и обработанный им материал по 5 500 селениям показывал неумолимо развивающийся процесс дифференциации крестьянства, разложения общины.

После работы Орлова появилось большое число монографий и журнальных статей, показывающих те же процессы. «По-моему, — писала в своих воспоминаниях Р. М. Плеханова, — начало поворота в политическом и социалистическом мировоззрении еще мало, быть может, сознаваемого самим Георгием Валентиновичем, надо отнести к этому первому удару, который был нанесен революционным верованиям Плеханова книгой скромного статистика Орлова»²⁵.

До тех пор, пока российская действительность не была исследована экономически, пока не были вскрыты процессы, происходившие в деревне, еще можно было оспаривать марксизм или отрицать его применимость к условиям России. Но капитализм делал свое дело. Рост капиталистических отношений в России становился все очевиднее. Отсталая мануфактура повсеместно вытеснялась фабрикой. Вместо 42 механических бумаготкацких фабрик в 1866 г. в 1879 г. действовало уже 92. Железнодорожное строительство толкало вперед металлургическую промышленность. Росла выплавка чугуна и стали, расширялась добыча каменного угля и нефти. Увеличивалось число рабочих, занятых на крупных предприятиях. В 1879 г. 4,4% фабрик сосредоточивали 66,8% всего числа фабрично-заводских рабочих и 54,8% всей суммы производства.

Русская действительность расходилась с народническими теориями. Вера в особый уклад крестьянской жизни, в сельскую общину начала рассеиваться, иллюзии гibly. Это углубляло духовный кризис Плеханова. В свое время А. И. Герцен, преодолевая свою духовную драму, пришел к идее общинного социализма. Теперь Г. В. Плеханов мог преодолеть духовный кризис, только перейдя от общинного, утопического социализма народников к научному социализму Маркса и Энгельса. Еще будучи народником, Г. В. Плеханов обращался к некоторым работам Маркса, в частности к «Капиталу». Уже тогда Г. В. Плеханов глубоко ценил этот великий труд. Это было характерным и для других народников. Ковальчик, участник процесса 193-х, писал, что «стройностью системы и глубиной критики Маркс произвел на интеллигентную молодежь большое впечатление, которое по силе можно сравнить разве с тем, которое в свое время вызвал Дарвин»²⁶. «Капитал» Маркса штудировали в революционных народнических кружках, с ним народнические пропагандисты знакомили рабочих, вокруг этого труда шли ожесточенные споры. «Как пороховая дорожка, — вспоминал Н. Русанов, — начала бежать среди русской интеллигенции из столиц в большие провинциальные центры, из центров по всем городам весть о новой великой книге — «Капитале» Мар-

²⁴ Р. М. Плеханова. Наша жизнь до эмиграции. Сборник группы «Освобождение труда», 1928, № 6, стр. 66—67.

²⁵ Там же, стр. 94—95.

²⁶ «Былое», 1905, № 10, стр. 5.

кса, которая как бы отменяет весь старый экономический завет и вводит новый»²⁷.

На страницах журналов «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Слово» развернулась тогда полемика вокруг «Капитала». Народники судили за этой полемикой и были на стороне защитников Маркса. Исполнительный комитет партии «Народная Воля» писал автору «Капитала»: «Класс передовой интеллигенции России, всегда внимательно следящий за идейным развитием Европы и чутко реагирующий на него, с восторгом встретил появление Ваших научных работ. Лучшие тенденции русской жизни нашли в них свое научное подтверждение. «Капитал» сделался настольной книгой образованных людей»²⁸.

Разумеется, «Капитал» не подтверждал, а отрицал народническую доктрину. Но народники как бы не замечали этого. Они признавали истинность марксизма для Западной Европы, но решительно отвергали возможность его применения к «самобытной» России. Выход в свет «Капитала» выдвинул перед русскими социалистами основную проблему. В. И. Ленин писал: «...для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»²⁹.

Г. В. Плеханов пытался сначала примирить марксизм с народничеством. Это было своеобразной формой народнического ревизионизма. Но и тогда Плеханов не подходил к марксизму как к абстрактному учению. Он искал в нем ответы на вопросы практики и не мог не понимать, что в «Капитале» заключена громадная взрывчатая революционная сила. Чем дальше, тем яснее представлялось, что марксизм — это новое мировоззрение, ничего общего не имеющее с народничеством. Чтобы найти выход из создавшегося положения, надо было серьезно заняться теорией. Затишье, наступившее в 80-х годах, благоприятствовало этому; оно давало время подвергнуть критическому обзору всю предыдущую историю народнического движения. Возникал вопрос, под знаменем какого социализма велась до сих пор борьба. Изучение русской действительности и знакомство с историей социалистической мысли на Западе все больше убеждали Плеханова, что народнический социализм — лишь разновидность утопического социализма, уже показавшего свою несостоятельность на Западе.

Скрываясь от преследований полиции, Г. В. Плеханов после долгих настояний своих друзей согласился на отъезд за границу. Он приехал туда в январе 1880 года. Началась новая полоса в жизни Г. В. Плеханова. Он надеялся скоро вернуться на родину, но его эмиграция продолжалась 37 лет. За границей Г. В. Плеханов внимательно следил за ходом и исходом революционного кризиса, сложившегося в России. В годы революционной ситуации — 1879—1881 — наглядно обнаружилось несостоятельность доктрин и программы народников, бесплодность и ошибочность их тактики, слабость их организации. Идущее в гору рабочее движение толкало передовую группу русской интеллигенции к научному социализму. После убийства Александра II отчетливо определился крах революционного народнического движения, которому столько сил отдал молодой Плеханов. Вскоре начался процесс вырождения народничества, превращение его из революционного в либеральное.

В России торжествовала реакция, установился жестокий, террористический режим «чугунного» царя Александра III. Но подавить передовую революционную мысль было невозможно. «Именно в эту эпоху, — писал

²⁷ Н. С. Русанов. Из моих воспоминаний. Кн. I. Берлин. 1923, стр. 115.

²⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Госполитиздат. 1951, стр. 251.

²⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 249.

В. И. Ленин, — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов... Вот, ведь, и в Европе период после подавления революции 1848 года отличался небывалым экономическим прогрессом и работой мысли, которая создала хотя бы «Капитал» Маркса. Одним словом, «очередь мысли и разума» наступает иногда в исторические периоды человечества точно так же, как пребывание политического деятеля в тюрьме содействует его научным работам и занятиям»³⁰.

Для Г. В. Плеханова эмиграция иной раз была хуже тюрьмы, но зато она помогла ему разобраться в сложной обстановке и избрать правильный путь борьбы. Пребывание Г. В. Плеханова за границей способствовало овладению Плехановым марксистским учением и его ознакомлению с рабочим движением передовых стран. Приехав в Женеву, он сблизился с польской коммуной, в состав которой входили один из организаторов партии «Пролетариат», Людвик Варынский, Дикштейн и другие польские революционеры. Сближение Г. В. Плеханова с польской эмиграцией оказало положительное влияние на его идейное развитие.

Из Женевы ранней весной 1880 г. Плеханов выехал в Париж. В этот период разворачивается литературная деятельность Г. В. Плеханова в журнале «Черный Передел». На статьях, помещенных Г. В. Плехановым в этом журнале, можно проследить его отход от народнических доктрин, его движение по направлению к марксизму. В 1880 г. Плеханов провозглашает необходимость тесной «связи русского революционного движения с общими выводами западноевропейской жизни». Во 2-м номере журнала «Черный Передел» он указывает, что важность агитации в среде крестьян не означает, «чтобы в целых наших лежал какой-нибудь особенный, крестьянский социализм»³¹. Нельзя отрицать значения революционной работы в промышленных центрах хотя бы потому, что нельзя определить, из каких слоев трудящихся будут вербоваться главные силы революционной армии. Русская промышленность не стоит на одном месте. Чернопередельцы должны написать на своем знамени: «Рабочий, бери фабрику, крестьянин — землю».

В «Черном Переделе» Г. В. Плеханов все еще остается крестьянским революционером, зовущим «Русь к топору». Но Г. В. Плеханов делает тогда серьезные шаги к марксизму. Некоторые авторы антиисторически рассматривают чернопередельческий период в деятельности Плеханова с точки зрения его последующего перехода к меньшевизму. Так, Н. Е. Кокушев вывел меньшевистскую линию Плеханова из чернопередельческой программы. В своей диссертации он пишет: «Дальнейшие меньшевистские выступления Плеханова против ленинской идеи конфискации помещичьих земель и национализации всей земли, защита масловской программы муниципализации земли являлись логическим развитием его народнического отрицательного взгляда на проникновение буржуазных отношений в крестьянское хозяйство»³². Тот же Н. Е. Кокушев утверждает, что пионерами марксизма в нашей стране могли стать в одинаковой степени и противники «Черного Передела»³³. Но то, что не народовольцы, а чернопередельцы перешли к марксизму, является объективным фактом, и задача исследователя состоит в том, чтобы этот факт объяснить. При всем значении шага вперед, который был сделан «Народной Волей» провозглашением необходимости политической борьбы, при всем глубоком уважении к отважной борьбе с царизмом, которую вели великие корифеи «Народной Воли», нельзя упускать из виду того важного и, пожалуй, решающего

³⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 230—231.

³¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 131.

³² Н. Е. Кокушев. Эволюция общественно-политических взглядов Г. В. Плеханова от народничества к марксизму. М. 1955. Рукопись диссертации, стр. 171.

³³ Там же.

преимущества, которое имели чернопередельцы перед народовольцами: оно выражалось в том, что чернопередельцы, как и вообще старые народники, никогда не забывали положения: освобождение народа должно быть делом самого народа. Разумеется, у народников эта формула имела довольно сильный утопический привкус. Теоретическое представление о массе, несомненно, подлежало коренному изменению, но само по себе убеждение в решающей роли народных масс, убеждение в бессмысленности революционной работы, если она не будит массы,— это не могло не служить переходным звеном к марксистскому мировоззрению.

Г. В. Плеханов в полемике с либералом Богучарским справедливо писал: «О «чернопередельцах» принято говорить, что их направление было мертворожденным. Но из него развилась русская социал-демократия, давшая чрезвычайно веские доказательства своей жизненности... Оказывалось, что, если «чернопередельская» организация умерла, то умерла родами, произведя на свет такое направление, которого даже самый заклятый враг его не решился бы назвать мертворожденным. Подобная смерть стоит продолжительной и, как говорят французы, хорошо наполненной жизни»³⁴.

По сравнению со статьями «Земли и Воли» статьи в «Черном Переделе» представляли собой значительный шаг вперед. Но они все еще были проникнуты народническими идеями. В них встречаются еще анархистско-народнические фразы о разрушении государственности, о свободном общинном самоуправстве, о народном идеале и т. п., хотя и пробиваются трезвые мысли материалистического направления.

Редакция «Черного Передела» заявляла, что экономические отношения являются основанием государственных, юридических, нравственных и всех других отдельных отношений в единстве, но она принимала это положение еще в том искаженном виде, в каком понимал его Бакунин. Чернопередельцы еще не стояли на марксистской точке зрения, ибо не преодолели еще наследства 70-х годов. Г. В. Плеханов справедливо пишет, что в смысле практического опыта это наследство было очень важно и даже незаменимо, что анализ этого опыта и указания практики легли в основу критики народнических программ и теорий. «Но в теоретическом отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как «наследство», завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла «русский социализм» бакунинского или лавровского оттенка от научного социализма Западной Европы и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переулка»³⁵.

Чтобы вывести русскую революционную мысль из тупика, нужно было осветить опыт русского революционного движения светом марксистской теории. Знакомство Г. В. Плеханова с французским и германским рабочим движением способствовало приобщению русских революционеров к научному социализму Западной Европы.

Весной 1880 г. Г. В. Плеханов поселился в Париже. Это был поворотный год в рабочем движении Франции. Рабочий конгресс, состоявшийся в конце 1879 г. в Марселе, принял решение о создании самостоятельной партии французского пролетариата. Решения Марсельского конгресса по вопросу об участии пролетариата в политической борьбе означали серьезную победу марксизма над анархизмом-прудонизмом. Личные встречи с Жюлем Гедом и другими лидерами французских марксистов сыграли немалую роль в формировании марксистского мировоззрения Г. В. Плеханова. Гед и его группа вели тогда решительное наступление на анархистов. Гедисты говорили, что тактика анархистов ведет к таким бесплодным методам борьбы, как «динамит, керосин и бомба». Нанося удары французским сторонникам анархистских методов, французские марксисты

³⁴ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XXIV, стр. 152.

³⁵ Там же, стр. 92.

тем самым осуждали и методы «Народной Воли». Между Плехановым и Гедом установилось единство взглядов на террористические акты «Народной Воли»³⁶.

Еще большее влияние на формирование марксистских взглядов Плеханова оказала немецкая социал-демократия. Эта партия была тогда передовой партией в международном рабочем движении, непосредственно связанной с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В период бакунизма с его отрицанием государства, централизма, борьбы за политическую свободу Г. В. Плеханов критически относился к немецкой социал-демократии. Но постепенно его взгляды на эту партию стали меняться. Ко времени приезда Г. В. Плеханова за границу в Германии вступил в действие бисмарковский исключительный закон против социалистов. В рядах немецкой социал-демократии возникли тогда серьезные разногласия. С одной стороны, оформлялся будущий ревизионизм, а с другой — активизировался анархистский уклон, возглавляемый Иоганном Мостом. На деятельность Моста и его сторонников в Германии оказало известное влияние русское революционное движение, в частности Ткачев и его орган «Набат». Сам Мост находился под влиянием известного народовольца Льва Гартмана. Издаваемая им газета «Freiheit» приветствовала террористические акты народовольцев.

Чернопередельцы сначала сочувственно относились к фракции Моста и предоставляли ему страницы своих изданий для нападков на немецкую социал-демократию. «Вся низость Моста, — писал Маркс Зорге 5 ноября 1880 г., — целиком обнаружилась передо мной лишь на страницах русской социалистической газеты. Он никогда не осмеливался печатать по-немецки того, что он напечатал в здешней русской газете. Это уже не нападки на отдельных лиц, а обливание грязью всего немецкого рабочего движения»³⁷.

Г. В. Плеханов не одобрял помещенные статьи И. Моста в «Черном Переделе». «Хотя я был одним из редакторов «Черного Передела», — писал он, — но статья Моста появилась в нем без моего ведома, так как я был в отсутствии. Мне было неприятно, что она появилась, потому что я тогда все больше и больше удалялся от анархизма, все больше и больше приближаясь к социал-демократии. Но ошибка была непоправима»³⁸. Резкий отзыв Маркса о чернопередельцах, несомненно, связан с этой статьей Иоганна Моста. По поводу письма Маркса от 5 ноября 1880 г. В. И. Ленин писал: «Он (Маркс.— И. М.) ликует по поводу успеха «Капитала» в России и становится на сторону народовольцев против только что возникшей тогда группы чернопередельцев. Анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом, и — не зная и не имея возможности знать тогда о грядущей эволюции чернопередельцев-народников в социал-демократов — Маркс нападает на чернопередельцев со всей силой своего бичующего сарказма: «Эти господа против всяких политических революционных выступлений. Россия, по их мнению, должна сделать скачок прямо в анархически-коммунистически-атеистическое тысячелетие. Скачок же этот они тем временем готовят скучнейшим доктринерством. Так называемые принципы их доктрин взяты у покойного Бакунина»³⁹.

Г. В. Плеханов внимательно следил за борьбой в германской социал-демократической партии и все более склонялся к поддержке ее руководства. Об этом свидетельствует письмо, отправленное им от имени «Черного Передела» Виденскому конгрессу германской социал-демократии в 1880 году. «Как ваши друзья, так и ваши враги прекрасно понимают, что борьба эта носит международный характер. Поэтому всякий успех вашей

³⁶ См. Г. В. Плеханов. Соч. Т. XIX, стр. 240.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 97.

³⁸ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XXIV, стр. 159. Примечание.

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 336.

партии будит надежду и радость в сердцах наших друзей. Мы знаем, что ваша победа является сигналом международной социалистической революции, которой и мы посвящаем свои силы, мы знаем, что если потерпите поражение, эта надежда будет отодвинута далее назад. Но мы не сомневаемся в вашей победе»⁴⁰.

Для изучения формирования марксистских взглядов Г. В. Плеханова большое значение имеют две его статьи: «Новое направление в области политической экономии» и «Экономическая теория Карла Родбертуса — Ягцова». Первую из этих статей Г. В. Плеханов начинает с анализа работ Ф. Листа, которого немецкая буржуазия окрестила именем «Лютера экономической науки». Г. В. Плеханов тонко подметил, что немецкая буржуазия, стремясь прочно обосноваться у себя дома, одобряет критику Листом фритредерства и проповедь протекционизма. Оценка Плехановым Листа во многом совпадала с характеристикой, данной ему Марксом и Энгельсом, хотя в то время он не был знаком с ней. В той же статье Г. В. Плеханов дал глубокий и острый анализ работ Рошера. Он срывает с вульгарных экономистов маску научного беспристрастия, показывал их истинное классовое лицо. В этой статье Г. В. Плеханов предстает перед нами как оригинальный мыслитель и блестящий полемист.

Работа Г. В. Плеханова «Экономическая теория Родбертуса — Ягцова» была опубликована в «Отечественных записках» за 1882—1883 годы. Л. Г. Дейч утверждал, что эта работа является марксистской⁴¹. В действительности она была написана Г. В. Плехановым тогда, когда Плеханов еще не стал полностью марксистом. Некоторые исследователи подвергают работу Плеханова «Экономическая теория Родбертуса — Ягцова» сокрушительной критике, предъявляя к ней требования как к законченной марксистской работе⁴². Когда Плеханов писал свою работу, ему еще не была известна оценка, данная Родбертусу Ф. Энгельсом в предисловии ко 2-му тому «Капитала» и К. Марксом в «Теориях прибавочной стоимости». Между тем не только в среде буржуазии, но и в кругах, близких к германской социал-демократии, в то время имел место своеобразный культ Родбертуса. В письме к Бернштейну Ф. Энгельс следующим образом объясняет это обстоятельство: «Возможно, конечно, что «Письма» (Родбертуса. — И. М.) способствовали культу Родбертуса. Основную роль сыграло стремление не-коммунистов противопоставить Марксу соперника тоже не-коммуниста и невежественная путаница в головах этих людей. Для всех тех, кто блуждает у границ нашей партии со своими теориями государственного социализма, произносит красивые речи, но все же желает избежать неприятия с полицией, — его превосходительство Родбертус подходит как нельзя лучше»⁴³.

Г. В. Плеханов шел тогда к марксизму, и его блуждания были совершенно иного толка. Он использовал тогда некоторые положения Родбертуса для защиты и обоснования экономического учения Маркса. В работе Плеханова о Родбертусе мы видим заблуждение человека, еще не ставшего марксистом. Заметим, что Каутский, писавший позднее Плеханова, допускал в отношении Родбертуса аналогичные ошибки. Г. В. Плеханов не только дает подробное и систематическое изложение взглядов Родбертуса и в ряде мест отзывается о них с похвалой. Он подвергает самостоятельной критике ряд реакционных, антинаучных положений Родбертуса, решительно выступает против притязаний Родбертуса и

⁴⁰ «Protokolle des Kongresses der deutschen Sozialdemokratie, abgehalten auf Schloß Wieden in der Schweiz am 20. bis 23. August 1880». Zürich, Verlag A. Herder, S. 13.

⁴¹ Это же утверждал и В. Вагаян. См. В. Вагаян. Г. В. Плеханов. М. 1924, стр. 64 и др.

⁴² Бык опубликовал в 1931 г. в журнале «Под знаменем марксизма» статью под красноречивым названием: «Как не следует писать о Родбертусе». Вслед за ним в том же журнале за 1932 г. выступил Молчадский со статьей «Против каутскианско-плехановской апологетики и «марксизирования» Родбертуса».

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 400.

его сторонников на приоритет в открытии теории прибавочной стоимости, выступает против клеветнических обвинений Маркса в плагиате. Развенчивая культ Родбертуса, Г. В. Плеханов заявляет, что учение Родбертуса не может быть поставлено даже рядом с учением Маркса и Энгельса⁴⁵. Г. В. Плеханов пишет, что Родбертус путает понятия потребительской и меновой стоимости, что объясняется неверным определением сущности капитала⁴⁶. Г. В. Плеханов приближается к классическому определению капитала, данному Марксом, как совокупности общественных отношений. Он пишет: «Теперь уже не «капитал» существует для удовлетворения потребностей трудящихся, а трудящийся существует ради удовлетворения потребностей капитала — создания так назыв. прибавочной стоимости. «Капитал» был вещью для дикаря; он является в виде общественного отношения для современного работника»⁴⁷.

Плеханов остроумно и убедительно показывает полную неосновательность теории ренты Родбертуса: «Читатель видит, что теория поземельной ренты Родбертуса приводит к абсурду. И это совершенно понятно, потому что наш автор исходит в своем учении о ренте частью из совершенно произвольных и недоказанных положений, частью из явления слишком общего для того, чтобы оно могло объяснить существование социальной категории дохода»⁴⁸. Некоторые положения плехановской критики теории ренты у Родбертуса почти полностью совпадают с соответствующими высказываниями Маркса⁴⁹.

Разумеется, в работе Г. В. Плеханова о Родбертусе много неверных, ошибочных положений. Г. В. Плеханов переоценил значение Родбертуса в развитии экономической мысли, превратив его в последователя Смита и Рикардо, непомерно сблизив, в свою очередь, марксистскую политэкономии с учениями классиков. Но едва ли на этом основании можно обвинять Плеханова в апологетике Родбертуса, в попытке его «марксизировать». В конце 1881 г. в письме Лаврову Г. В. Плеханов писал: «Маркс считает теорию Родбертуса ошибочной, а его авторитет для меня очень важен. Я сто раз подумаю, прежде чем соглашусь с неодобряемым им взглядом»⁵⁰. В том же письме Г. В. Плеханов касается вопроса о капитализме в России. «Я», — пишет он Лаврову, — как Вам известно, держусь того взгляда, что это дело решенное. Россия уже вступила на путь естественного закона своего развития, и все другие пути, — мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран, — для нее закрыты.

Еще во время работы над статьей о Родбертусе Плеханов приступил к переводу «Манифеста Коммунистической партии».

Какое это имело значение для его идейной эволюции, можно судить по следующему признанию: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык». Плеханову принадлежала инициатива обращения к Марксу и Энгельсу через Лаврова с просьбой о предисловии к переводу⁵¹. Лавров в своем письме к Марксу сообщает, что примечания к переводу «Манифеста» будут принадлежать перу некоего молодого автора, Плеханова, и характеризует его как «одного из самых горячих ваших учеников».

В предисловии к переводу «Манифеста» Г. В. Плеханов писал: «Вопрос о значении и задачах политической деятельности нашей партии становится жгучим практическим вопросом» — и далее продолжал: «Взаим-

⁴⁵ См. Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 220.

⁴⁶ Там же, стр. 348—349.

⁴⁷ Там же, стр. 350.

⁴⁸ Там же, стр. 358.

⁴⁹ См. К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Т. 2, ч. 1-я, стр. 146; Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 359.

⁵⁰ «Литературное наследство». 1935, № 19—21, стр. 293.

⁵¹ См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 257.

ная зависимость и связь политических и экономических интересов трудящихся указаны в «Манифесте» с полной ясностью. Авторы его сочувствуют «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений». Но, отстаивая ближайшие, непосредственные цели всякого революционного движения, они в то же время не упускают из виду его «будущности». Поэтому «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит, косвенным образом, его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты»⁵².

Предисловие к «Манифесту» вполне отчетливо показывает, что к началу 1882 г. Плеханов уже преодолел в основном идейный кризис, острота которого относится к периоду его отъезда из России. Плеханов отказывается от остатков анархизма, от чернопередельческого отрицания политической борьбы. По вопросу об общине Г. В. Плеханов принимает точку зрения, выраженную К. Марксом в предисловии к его переводу «Манифеста». «Если русская революция, — писали в этом предисловии Маркс и Энгельс, — послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они попомянут друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁵³. В письме к Н. С. Русанову, критикуя русских катедросоциалистов типа Иванюкова, Г. В. Плеханов писал: «С точки зрения экономической — им придется отстаивать общину в ее настоящем виде, и при этом отстаивать ее законными средствами, которые должны вести к ее разрушению. К таким мерам относится, например, организация мелкого земельного кредита, который неизбежно должен поставить крестьянское землевладение на денежную, а следовательно, и на индивидуалистическую ногу. Если Вам угодно, я пришлю Вам книгу Орлова «Формы землевладения в Московской губернии», в которой он приводит примеры того, как крестьяне, до 1861 г. выкупившие земли у помещика, перешли к частному землевладению, и как, «награжденные» всеми благами даровой земли, они сохранили общину. Вообще едва ли можно сомневаться в том, что только революция может дать серьезный толчок развитию общины»⁵⁴.

Обобщая опыт русского революционного движения, изучая практику рабочего движения Германии, Франции и других европейских стран, все более овладевая теорией Маркса, Г. В. Плеханов пришел к выводу о необходимости окончательного идейного и организационного размежевания со своим народническим прошлым. После выхода в свет перевода «Манифеста Коммунистической партии» было совершенно очевидно, что идейный кризис Г. В. Плеханова в основном преодолен, что он окончательно утвердился на позициях марксизма. Но, чтобы провозгласить переход к марксизму, Г. В. Плеханову пришлось выдержать в это время борьбу со своими друзьями по «Черному Переделу». «Народная Воля» была окружена

⁵² Г. В. Плеханов. Соч. Т. I, стр. 150—151.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. 1948, стр. 16.

⁵⁴ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. «Личный фонд Плеханова», папка № 3.

ореолом героизма; чернопеределцы воздерживались от критики «Народной Воли». У Я. Стефановича, Л. Дейча, В. Засулич отчетливо выявлялось стремление к сближению с «Народной Волей».

Наиболее последовательную критическую позицию по отношению к «Народной Воле» занимал Г. В. Плеханов. Он был убежден в неизбежном поражении народолюбцев. Г. В. Плеханов скептически относился к сближению с «Народной Волей». 31 октября 1881 г. он писал Лаврову: «Настроение моих женевских товарищей не особенно радует меня. Оно может быть формулировано словами: «Соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгнемся сколько возможно». История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней»⁵⁵. Г. В. Плеханов отрицательно отнесся к предложению народолюбца Л. Тихомирова, поддержанного П. Лавровым и всеми чернопеределцами, о вхождении Плеханова в редакцию журнала, издание которого проектировалось тогда «Исполнительным комитетом Народной Воли». Он понимал, что теперь дело шло не о спорах между двумя фракциями одного движения, а о коренных, непримиримых разногласиях между двумя противоположными направлениями: между марксизмом и народничеством.

По настоянию своих товарищей Г. В. Плеханов дал согласие быть одним из редакторов «Вестника Народной Воли» и согласился на слияние «Черного Передела» с «Народной Волей». Для первого номера этого издания он написал рецензию на книгу Аристова «Афанасий Прокофьевич Шапов». Г. В. Плеханов показал в ней правоту Чернышевского в полемике со Шаповым по поводу федерализма и централизма⁵⁶.

Манифестом нового направления русского революционного движения была другая статья, написанная Г. В. Плехановым для «Вестника Народной Воли». Она называлась «Социализм и политическая борьба». Содержание статьи Г. В. Плеханова оказалось неприемлемым для народолюбцев, и она не увидела света на страницах «Вестника Народной Воли». Не состоявшееся и слияние «Черного Передела» и «Народной Воли». Колебания Г. В. Плеханова и его друзей кончились: они окончательно порвали с народничеством.

День 25 сентября 1883 г. навсегда останется памятным днем в истории русского революционного движения. В этот день появилось объявление об издании «Библиотеки современного социализма», где сообщалось об организации группы «Освобождение труда». В объявлении говорилось: «Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного Передела» образуют ныне новую группу — «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями»⁵⁷.

Начался новый этап общественно-политической деятельности Г. В. Плеханова. Созданная им группа «Освобождение труда» подняла знамя марксизма в России.

⁵⁵ «Дела и дни». 1921, № 2, стр. 86.

⁵⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XIII, стр. 31—32.

⁵⁷ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 22.